

Е. В. ЛУКИН

ЗАПАД ПРОТИВ ВОСТОКА

САЛАМИН:
2500 ЛЕТ
ПЕРВОЙ
БИТВЕ

А Л Е Т Е Й Я

Сборник

**Запад против Востока.
2500 лет первой битве**

«Алетейя»

УДК 94(38).03
ББК 63.3(0)32

Сборник

Запад против Востока. 2500 лет первой битве / Сборник —
«Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-095-9

Книга «Запад против Востока. 2500 лет первой битве» посвящена первому масштабному военному конфликту между Западом и Востоком – морскому сражению 28 сентября 480 года до Р.Х. при острове Саламин, где небольшая флотилия древнегреческих кораблей одержала победу над огромным персидским флотом. В книгу вошли фрагменты трудов античных авторов, посвященные этому событию: «История» Геродота (книга восьмая), трагедия Эсхила «Персы», поэма «Персы» Тимофея Милетского, биографический очерк из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Книгу дополнили драматические произведения XVIII–XIX веков на эту тему, которые ранее никогда не публиковались: перевод на русский язык трагедии «Фемистокл» итальянского драматурга Пьетро Метастазियो и либретто оперы «Фемистокл» поэта Гавриила Державина. Сборник завершили поэтические творения новогреческих авторов: «Героические песни» национального героя Греции Ригаса Фереоса и стихи из поэмы «Гимн свободе» Дионисиоса Соломоса, ставшие национальным гимном современной Греции. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(38).03
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-00165-095-9

© Сборник

© Алтейя

Содержание

Запад против Востока или Свобода против тирании?	7
История	14
Книга восьмая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Запад против Востока. 2500 лет первой битве

Составитель Евгений Лукин

Составитель выражает искреннюю благодарность руководителю Рукописного отдела Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), доктору филологических наук Т. С. Царьковой за предоставление материалов из фонда Г. Р. Державина

© Е. В. Лукин, составление, предисловие, перевод, публикации, примечания 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Запад против Востока или Свобода против тирании?

Два с половиной тысячелетия назад на земле совершилось эпохальное событие: небольшая флотилия греческих кораблей в морском сражении при острове Саламин наголову разгромила огромный персидский флот. Это знаменовало решительную победу скромного сообщества греческих полисов над могущественной персидской державой. Первый масштабный военный конфликт между Западом и Востоком, каким стала Саламинская битва, имел судьбоносное значение для развития европейской цивилизации.

Хронология событий была такова. Весной 480 года до Р. Х. большое персидское войско, переправившись по понтонному мосту через Геллеспонт, вторглось на Греческую землю. Поход возглавил лично персидский царь Ксеркс. По некоторым подсчетам, под его началом находилось около 250 тысяч воинов, набранных от разных подвластных племен и народностей – персы, ассирийцы, арабы, фракийцы, финикийцы, инды и прочие. Войско Ксеркса сопровождала мощная морская армада. Целью похода было покорение Эллады.

На защиту родины греческие полисы отправили союзный отряд, насчитывавший 7 тысяч гоплитов, во главе со спартанским царем Леонидом. Отряд расположился в узком Фермопильском ущелье. Со стороны моря отважных бойцов поддерживал афинский флот. Персидское войско, подойдя к ущелью, неоднократно пыталось атаковать греков. После нескольких безуспешных попыток персы нашли местного жителя, который показал им тайную горную тропу в тыл противника. Узнав об этом, царь Леонид приказал союзному отряду отступить, а сам с 300 спартанцами остался защищать занятый рубеж. Храбрецы пали в неравном бою, стяжав бессмертную славу.

Одновременно около мыса Артемисий, что на северной оконечности острова Эвбея, состоялось морское сражение между персидскими и греческими флотами. Несмотря на численное превосходство, персы не сумели одержать верх. Однако, получив весть об отступлении союзного отряда из Фермопил, греческое командование распорядилось покинуть мыс Артемисий и перебраться в Саронический залив к острову Саламин. Путь на Афины и Пелопоннес для персидского войска был открыт.

В Афинах на народном собрании огласили предсказания из Дельф, где находилось общегреческое святилище. Дельфийский оракул пророчил гибель города и призывал спастись бегством:

Деревянные стены защитят тебя и твоих детей.
Не жди ни топота коней, ни могучей поступи пехотинцев,
А обратись спиной к врагу и спасайся.
Но придет день, когда ты встретишь его в бою.
Священный Саламин, ты погубишь младую поросль,
Когда настанет время посева или время собирать урожай.

Афинский полководец Фемистокл, толкуя мрачное пророчество, сумел убедить запаниковавших горожан, что «деревянные стены» – это афинские корабли, а погибающая «младая поросль» – это персы, так как в противном случае оракул назвал бы Саламин «несчастливым», а не «священным». Он предложил оставить Афины без защиты, всех граждан, способных держать оружие, призвать во флот, а остальное население эвакуировать в город Трезен. Его замысел состоял в том, чтобы навязать персам морское сражение в узком проливе между Аттикой и островом Саламин, где маневренные греческие триремы показали бы свои преимущества перед большими персидскими кораблями.

Вскоре персы взяли Афины и сожгли город, перебив тех, кто остался в нем на милость победителя. Огромное персидское войско появилось на аттическом берегу, а бесчисленный флот подошел к Фалерской гавани. Увидев это, начальник греческого флота спартанец Еврибиад хотел сняться с якоря и отступить к Коринфскому перешейку, где сосредотачивалось союзное войско греков. Будучи несогласным с этим решением, Фемистокл отважился на необычную хитрость. Он отправил своего доверенного раба к персидскому царю с тайным посланием, что переходит на сторону Ксеркса и советует ему немедленно напасть и уничтожить морские силы эллинов, которые и так уже хотят бежать. Персидский царь прислушался к совету внезапно возникшего союзника.

28 сентября 480 года до Р. Х. началось Саламинское морское сражение. По данным Эсхила, против 1207 персидских кораблей выступило 310 греческих трирем. Однако в узком проливе неприятельский флот не мог использовать численное превосходство. Большие персидские суда, утратив управление, сбились в кучу. Маневренные триремы греков нападали на них, брали на бордаж и топили с помощью таранов. Персидские моряки, пытавшиеся выбраться на спасительный берег, были перебиты греческими воинами. Морское сражение закончилось сокрушительным разгромом завоевателя.

Персидский царь пребывал в смятении. Помимо поражения флота, которое он воочию наблюдал с горы Эгалео, ему доложили о намерении греков разрушить понтонный мост через Геллеспонт и тем самым преградить персидскому войску путь обратно домой. Эта весть, также подброшенная Фемистоклом через доверенного раба, подвигла Ксеркса поспешно покинуть пределы Европы.

Победа союза тридцати греческих полисов над самой могущественной державой мира произвела неизгладимое впечатление на современников. В честь Саламинского торжества греки посвятили Дельфам колоссальную статую Аполлона, держащего в руке нос триремы. Захваченные финикийские корабли были принесены в жертву греческим богам Аяксу, Посейдону и Афине. На распределении наград между военачальниками первый приз был оспорен каждым из них, зато второй почти единодушно присужден Фемистоклу. Также единодушно его чествовали греки на ближайших Олимпийских играх. Это свидетельствовало о том, что современники осознавали как выдающуюся роль Фемистокла в происшедшем сражении, так и значение Саламинской победы, которая на долгое время определила судьбу участвовавших в ней народов.

Философскую оценку битве при Саламине дал выдающийся немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831): «Здесь лежали на весах интересы всемирной истории. Здесь боролись друг с другом восточный деспотизм, т. е. мир, объединенный под властью одного властителя, и, с другой стороны, разделенные государства, объем и средства которых были невелики, но которые были одушевляемы свободной индивидуальностью. Никогда в истории не проявлялось с таким блеском превосходство духовной силы над массой, и притом над такой массой, к которой нельзя относиться с пренебрежением. Эта война и затем развитие важнейших государств после этой войны составляют наиболее блестящий период греческой истории: все то, что содержалось в греческом принципе, тогда совершенно развернулось и проявилось». Таким образом, Гегель объяснил причину необыкновенного военного успеха Эллады в неоспоримом превосходстве свободной индивидуальности, реализуемой в условиях независимости, над темной могучей массой, подавляемой деспотичным властителем.

Такая политическая трактовка Саламинской победы в дальнейшем стала преобладающей. Ее использовали всякий раз, когда было необходимо доказать абсолютную эффективность демократического правления перед самодержавным владычеством. При этом обязательно ссылались на авторитет древнегреческих ученых мужей, толкуя их произведения в необходимом свете. Например, идейный сторонник русской революционной демократии и украинского национализма, профессор Киевского университета Федор Мищенко (1847–1906)

в статье, предваряющей публикацию его перевода «Истории» Геродота, указывал на победоносную роль демократии в греко-персидских войнах: «Если не основанием, то во всяком случае самым убедительным оправданием такого предпочтения народного самоуправления перед деспотизмом было для Геродота позорное поражение персов и победное торжество Эллады, в особенности афинской демократии».

В духе гегелевской концепции торжества «свободной индивидуальности» трактует Саламинскую победу и современный российский ученый Евгений Жаринов (род. 1954): «Битва при Саламине представляла собой нечто большее, нежели просто сражение. То был кульминационный момент противостояния между Востоком и Западом, во многом определивший магистральные пути дальнейшего развития человечества. Попытка сдержать распространение эллинистического индивидуализма была предпринята под главенством персов. Они несли и насаждали систему представлений и ценностей, общую для всех централизованных деспотий восточного Средиземноморья. Недаром Виктор Дэвис Хансон отмечает, что в языках прочих средиземноморских народов аналогов греческим словам “свобода” и “гражданин” просто-напросто не существовало».

Преподаватель Московского педагогического университета неслучайно ссылается на известного американского историка. В своих трудах профессор Стэнфордского университета Виктор Дэвис Хансон (род. 1953) всячески развивает упомянутую гегелевскую концепцию. По его мнению, Саламин «навсегда сделал европейскую цивилизацию тяготеющей к политической свободе и экономическому либерализму. И что бы ни говорилось о достоинствах и недостатках современной цивилизации Запада, но тенденции к укреплению демократии, всемерному расширению прав и в то же время к дальнейшему ослаблению гражданской ответственности реализуются в рамках мобильной, динамичной традиции, обязанной своим существованием давней сентябрьской победе Фемистокла. В конце сентября 480 года Фемистокл и афинские бедняки не только спасли от персов Грецию и нарождавшуюся западную цивилизацию, но и определили будущее того свободолюбивого, изменчивого и беспокойного общества, основные черты которого узнаваемы и по сей день». Иными словами, Саламинская победа – это очевидное торжество демократии над тиранией, победа сил добра над силами зла, которая привела к формированию основ свободного западного мира и расцвету культуры.

Между тем, эта грубая идеологическая схема едва ли соответствует исторической действительности. В такой схеме преднамеренно смешиваются политические и национальные (народные, родовые) начала, под понятием «свобода» понимается исключительно «демократия» и так далее. Точно также в годы Великой Отечественной войны коммунистическая пропаганда производила подобную диффузию, формулируя девиз для сражающихся советских воинов: «За Родину! За Сталина!»

Благодаря подобной философии истории утверждается не только абсолютный приоритет демократических ценностей над остальными, но и необходимость их глобального распространения, в том числе и путем военной агрессии. Тот же Виктор Дэвис Хансон, поддерживая американских ястребов, призывал идти на войну с Ираком «тяжело, долго, без чувства вины, извинений или отсрочки, пока наших врагов больше не станет». В контексте иракской войны он утверждал, что «реальный вопрос состоит в том, будут ли Соединенные Штаты, как и действительно любая западная демократия, все еще обладать моральной ясностью, чтобы определить зло как зло, а затем безраздельно использовать все доступные ресурсы для борьбы с ним до полного искоренения».

При таком агрессивном подходе и произведения классического искусства легко подвергаются модернизации в духе западного «беспокойного и изменчивого» мышления. Так, в 1993 году знаменитый американский режиссер Питер Селларс (род. 1957) поставил на эдинбургских подмостках трагедию Эсхила «Персы». Он надел на персидского царя Ксеркса черный берет иракского диктатора Саддама Хусейна, облачил древнегреческих гоплитов в американ-

скую униформу. Звон железных копий он сравнил с артиллерийской канонадой в ходе военной операции 1991 года по освобождению Кувейта, а солиста древнегреческого хора – с корреспондентом телеканала CNN, ведущим репортаж из печального Багдада:

Азия больше не будет
Жить по персидской указке.

Профессор Казанского университета Эдуард Рунг (род. 1972) отмечает, что «современные оценки греко-персидских войн имеют долгую традицию и в конечном итоге восходят к оценкам их современниками». Уже тогда древнегреческие писатели и поэты рассматривали этот грандиозный военный конфликт как «извечное» столкновение между Грецией (Европой) и Персией (Азией), и определяли его как борьбу за свободу против персидского порабощения: ведь в случае поражения и пленения каждый эллин становился рабом. Именно такая борьба за личную свободу, а значит и за свободу своего полиса мотивировала участников греко-персидских войн с эллинской стороны.

Об этом свидетельствует и непосредственный участник Саламинского сражения – великий драматург Эсхил (525–456 до Р. Х.), который посвятил битве при Саламине трагедию «Персы». Он первым представил греко-персидские войны как результат столкновения Востока и Запада: «земля Азии выступила против страны Эллады», и указал на истинные намерения персов при вторжении на Греческую землю – «наложить рабское ярмо на Элладу». В его трагедии не было ни слова о демократии и тирании, зато был протест против рабства. Современники Эсхила, видевшие постановку трагедии в 472 году до Р. Х., еще помнили пламенный пеан греков, призывавший сражаться за свободу и отечество: «О, сыны эллинов! Идите, освободите родину, освободите детей, жен, богов отеческих храмы, могилы предков – бой идет теперь за все!». Защита своей земли, своего очага, своей семьи, своего народа – вот истинный императив, которым руководствовались греки в борьбе с вражеским нашествием.

Другой современник Саламинского сражения великий историк Геродот (484–425 до Р. Х.) видел во всех политических системах достоинства и недостатки. Он излагал свои взгляды, пользуясь приемами диалога, когда сторонникам тех или иных идей предоставлялась трибуна. Ярким примером такого подхода являлся изложенный «отцом истории» диспут трех персидских вельмож Отана, Мегабиза и Дария о том, какую политическую систему предпочтительнее вводить в государстве – демократию, олигархию или монархию. Как ни странно, в жарком споре победил сторонник монархии Дарий, отец злополучного Ксеркса. Ученые почти единодушно полагают, что персидские вельможи не могли вести такие дебаты: все эти рассуждения были вымыслом Геродота, образчиком его политической мысли. Можно задать риторический вопрос: если согласиться с Федором Мищенко и считать «отца истории» горячим поклонником демократии, то что помешало ему присудить победу в диспуте не монархисту Дарию, а демократу Отану? Только одно: Геродот сомневался в демократии как идеальной форме правления. Он говорил, что «многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного», приводя пример с милетским послом, которому удалось провести тридцать тысяч афинян, но не удалось обмануть одного лакедемонянина. Утверждение же Геродота, что «нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни», невольно отсылает нас к словам поэта Александра Пушкина о русском бунте, бессмысленном и беспощадном.

Политическое мышление Геродота было универсальным. Это не значит, что у него не имелось предпочтений. Свобода и закон – вот два столпа, на которых зиждилось его мировоззрение. Свобода в представлении «отца истории» являлась внешней жизненной сферой, в которой существуют независимые греческие полисы, а закон являлся тем порядком, что определяет внутреннюю деятельность этих полисов. Спартанец Демарат заявлял царю Ксерксу, что греки «свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка – это закон, которого они стра-

шатся гораздо больше, чем твой народ тебя». Именно за эту внешнюю свободу (суверенитет) сражались союзные отряды Эллады во время греко-персидских войн. Политическое устройство греческих полисов, будь оно демократическое или тираническое, в данном случае не имело значения.

Таким образом, причина Саламинской победы таилась вовсе не в превосходстве демократии над тиранией, а в едином патриотическом порыве эллинов, которых сумел сплотить блестящий афинский полководец Фемистокл «Так, острый ум одного человека освободил Грецию, и Европа одолела Азию, – писал о нем древнеримский историк Корнелий Непот. – Была одержана еще одна победа, достойная марафонского трофея: ведь при Саламине произошло то же самое – малочисленные корабли разгромили самый большой на памяти человеческой флот». Великолепное владение тактическим и стратегическим мастерством, а также искусством дезинформации отличали Фемистокла от других военачальников, которые не обладали исключительной способностью быстро принимать решения в непредвиденных обстоятельствах. По мнению древнегреческого историка Фукидида, «это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий».

По сути, Фемистокл является символом той самой «свободной индивидуальности», которая, по мысли Гегеля, продемонстрировала превосходство духовной силы над темной массой, торжество демократии над тиранией. Между тем, показательна дальнейшая судьба афинского полководца. Несмотря на особые заслуги перед Афинами и Элладой, афиняне после одержанной победы подвергли его остракизму и изгнанию. По словам Плутарха, «народ изгнал его остракизмом из желания уменьшить его влияние и силу. Этому подвергались все, чье значение казалось опасным и нарушающим демократическое равенство. Остракизм не был наказанием – он служил лишь удовлетворением чувству зависти и утешением для тех, кому приятно унижение влиятельных личностей и возможность вымещать на них свою злобу, оскорбляя их». Подобная «благодарность» была характерна для многих демократических сообществ. Напомним, что новгородское вече изгнало князя Александра Ярославича Невского после его победы над шведским войском на берегах Невы. Причина оказалась такой же – опасность усиления, говоря современным языком, бонапартистских тенденций.

Последующая история «спасителя Эллады» изобиловала поразительными метаморфозами. Преследуемый афинянами и спартанцами, которые пригрозили ему смертной казнью за предполагаемую измену, он бежал в Азию, где явился к своему давнему врагу – персидскому царю Ксерксу, обещавшему за его голову огромное вознаграждение. Ошеломленный царь, видя перед собой распростертого ниц противника, проявил подлинное превосходство духовной силы – простил ему поражение при Саламине и пожаловал в управление три города. Стремясь проверить преданность нового подданного, Ксеркс предложил Фемистоклу возглавить новое вторжение в Грецию, но храбрый полководец решительно отказался выполнить царское пожелание, заявив, что никогда не поднимет меч на родину. Не видя перед собой иного выхода, он попытался принять яд. Этот поступок еще более возвысил афинского героя в глазах самодержца, и тот отменил поход на Элладу. Фемистокл был осыпан царскими милостями.

Разумеется, сюжет о необыкновенном великодушии персидского царя Ксеркса стал особенно популярным в эпоху просвещенного абсолютизма XVIII–XIX веков, поскольку соответствовал распространенным тогда патерналистским представлениям об идеальном монархе – строгом и заботливом отце своего народа, который не только действует по закону, карая злоумышленников, но и проявляет «милость к падшим». По мотивам исторического сюжета итальянский либреттист Пьетро Метастазιο (1698–1782) написал трагедию «Фемистокл». На ее основе итальянский композитор Андреа Бернаскони (1706–1784) сочинил оперу, имевшую колоссальный успех в театрах Европы.

Творчеством Пьетро Метастазιο, которого французский просветитель Жан-Жак Руссо называл «единственным гением», интересовалась русская императрица Екатерина Великая.

Являясь автором девяти либретто и многих пьес, она считала творения выдающегося итальянца достойными для подражания, на что указывала своим придворным сочинителям. Среди них выделялся ее личный кабинет-секретарь Гавриил Романович Державин (1743–1816). Уже после смерти государыни он попросил князя П.Г. Гагарина перевести ему трагедию «Фемистокл». Пользуясь представленным подстрочником, русский поэт написал одноименную оперу в трех действиях.

Опера Державина «Фемистокл» представляет огромный исторический интерес как свидетельство творческих исканий замечательного стихотворца. К тому же она соответствовала его искренним монархическим убеждениям. Образ всемогущего персидского царя перекликался в его стихах с изображением богоподобной императрицы Екатерины Великой:

И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу.

Взор, объемлющий моря и сушу, замыкающий в себе целый мир, – таков философский смысл единой державы, философский смысл власти как земной, так и небесной. Этот выразительный символ всевидящего ока известен с древних времен и присутствует практически во всех мифологиях – от египетской и древнегреческой до буддистской и христианской. Неудивительно, что точно таким же взором обладал в глазах подданных и властитель Азии. Древнегреческий поэт Тимофей Милетский (ок. 450–360 до Р.Х.) в своей поэме «Персы», посвященной битве при Саламине, вложил в уста персидского воина необычную угрозу. Тонуший в море воин грозил морскому богу Посейдону тем, что его повелитель, персидский царь Ксеркс, обязательно расправится с ним за гибель войска в эгейских волнах – замкнет во взор бушующее море:

Настанет время – он придет
И соснами азийских гор
Взволнует воды, а простор
Во взор блуждающий замкнет.

Перевод Е. В. Лукина

Тимофей Милетский считался поэтом-новатором. «Если бы мы не имели Тимофея, – говорил Аристотель, – то в нашей лирической поэзии был бы большой пробел». С похвалой отзывался о нем Платон, и даже суровые дорийцы признавали красоту его песен. Однако удивительные новации поэта вызывали и порицания. Выступая на Элевсинских мистериях, Тимофей дерзнул приладить к семиструнной кифаре еще четыре струны, и возмущенные спартанские цари приказали подвергнуть его изгнанию, чтобы «каждый, видя суровый порядок города, воздержался вносить в Спарту что-либо непотребное». По свидетельству Плутарха, комедиограф Фереkrat высмеивал новаторское творчество Тимофея: «Он всех превзошел своими чудовищными диссонансами, от которых ползут мурашки, недопустимые ноты чрезмерной высоты и какие-то свистульки». На эти нападки поэт с вызовом отвечал: «Старых песен я не пою – мои молодые сильнее!».

От обширного творческого наследия Тимофея до нас дошел только отрывок поэмы «Персы», воспевавшей победу эллинов в Саламинской битве. Завершая свой шедевр, поэт пожелал Афинам «цветущего обилия и мира благозакония», что перекликалось с представлением Геродота о свободе и законе как основных категориях афинского бытия.

Саламинская победа обусловила свободное существование Греции в течение двух тысяч лет. Лишь в середине XV века османский султан Магомет Завоеватель покорил многочисленные греческие княжества. Османское иго продолжалось почти три столетия. На рубеже XVIII–XIX столетий в Греции вспыхнуло освободительное движение за независимость, на знамени которого было начертано имя Фемистокла. Молодой греческий поэт Ригас Фереос (1757–1798), призывая сограждан к вооруженному восстанию против чужеземного гнета, обращался к славному прошлому Эллады: «Есть добродетель – любить отечество, родившее великого мужа Фемистокла, которому удивлялся весь мир, север и юг. Будем подражать ему в добродетели и мужестве, славном и похвальном».

Символично, что в тот же год, когда был казнен Ригас Фереос, Греческая земля родила нового певца свободы – талантливую поэта Дионисиоса Соломоса (1798–1857), который стал автором прекрасной поэмы «Гимн свободе»:

Я узнаю твой меч чудесный
В сиянье греческих побед.
Я узнаю твой взор небесный,
Объемлющий весь белый свет.

Перевод Е. В. Лукина

Все тот же взор, замыкающий в себе целый мир, озарил стихи поэта, только теперь он принадлежал не восточному деспоту, а отважной свободе – верной любви Эллады. Таким образом, этот всеохватный взор на самом деле олицетворял собою независимую власть, которая могла иметь различные политические свойства. Не случайно после создания суверенного греческого государства в 1865 году первые два четверостишия поэмы Дионисиоса Соломоса стали национальным гимном Греции.

* * *

Греко-персидские войны явились переломным моментом в истории Эллады. Три десятка греческих полисов, зачастую враждовавших между собой, сумели объединиться перед лицом врага, выдержать нашествие могущественной Персидской державы и отстоять свою независимость. В этой борьбе они опирались на идею общеэллинского единства, основанного на общности языка и веры, культуры и образа жизни. В этой борьбе они защищали не политические системы, которые отличались от полиса к полису, а свои отчие земли, свои дома, свои семьи – все то, что подразумевает понятие «родина». Их вел на священную битву выдающийся патриот Эллады – афинский полководец Фемистокл, обладавший не только блестящими способностями стратега и тактика, но и неколебимой волей к победе.

Греческий народ сохранил память о великих героях и славных победах. Эта память впоследствии помогла ему низвергнуть иноземное иго и вернуть независимость своей отчизне. Современный национальный флаг Греции насчитывает девять сине-белых полос, что соответствует девяти буквам греческого слова «свобода».

Евгений Лукин,

Санкт-Петербург

История Геродот

Книга восьмая Урания

Состав эллинского флота при Артемисии, морские битвы (1-23). Осмотр варварами поля сражения при Фермопилах (24-25). Путь варваров от Фермопил в Беотию, Фокиду и в Дельфы, чудо в Дельфах (26-39). Состав эллинского флота у Соломина (40-49). Афины заняты варварами (50-55). Распри в эллинском флоте, хитрость Фемистокла (56-64). Чудо, предзнаменующее беды варваров (65). Персидский флот у Фалера, военный совет (66-69). Сооружение стен пелопоннесцами на Истме (70-73). Распри в эллинском флоте, хитрость Фемистокла, появление Аристида на Саламине (74-82). Поражение варваров при Саламине (83-96). Сборы Ксеркса к возвращению в Азию и оставление Мардония с войском в Европе (97-103). История с Гермотимом (104-106). Отступление персидского флота и преследование его эллинами (107-120). Наказание эллинами городов, отдавших Ксерксу, дележ военной добычи и чествование Фемистокла (121-125).

Осада Потидеи Артабазом и взятие Олинфа (126-129). Второй год войны: эллинский флот у Самоса и Делоса, пребывание Мардония в Фессалии (130-135). Посольство от Мардония в Афины, родословная Александра, царя македонян, неудача посольства (136-144).

1. Из эллинов зачислены были во флот следующие: афиняне, доставившие сто двадцать семь кораблей, причем платейцы, хотя и не искусные в морском деле, но движимые храбростью и усердием, снабжали эти корабли людьми вместе с афинянами; коринфяне доставили сорок кораблей, мегарцы двадцать; халкидяне поставили воинов на двадцать кораблей, но корабли им даны были афинянами. Египтяне доставили восемнадцать кораблей, сикионцы двенадцать, лакедемоняне десять, Эпидавр восемь, эретрийцы семь, трезенцы пять, стирейцы два, столько же и кеосцы, да еще два пятидесятивесельных судна. Наконец, опунтские локры явились на помощь с семью пятидесятивесельными судами.

2. Таковы были эллины, отправившиеся к Артемисию, а я уже сказал, какое количество кораблей доставлено было каждым народом. Число собранных у Артемисия кораблей, за исключением пятидесятивесельных судов, было двести семьдесят один. Главнокомандующего флотом поставили спартанцы, именно Еврибиада, сына Евриклида. Союзники объявили, что они не последуют за афинскими вождями и распустят войско, какое соберется, если только главнокомандующим будет не лакедемонянин.

3. Дело в том, что уже вначале, до отправки в Сицилию послов с просьбой о помощи, шла речь о том, что командование флотом следует поручить афинянам. Так как союзники восстали против этого, то афиняне уступили, будучи сильно озабочены спасением Эллады и зная, что Эллада погибнет, если эллины станут спорить между собою из-за преобладания, и они рассуждали верно. Действительно, внутренние смуты настолько хуже войны, ведомой единодушно, насколько война хуже мира. Будучи именно такого убеждения, афиняне не противились, уступили, но так было до тех пор, пока они имели крайнюю нужду в союзниках, что и доказали потом: когда персов прогнали и стали воевать с царем уже за его землю, тогда под предлогом наглости Павсания афиняне отняли первенствующее положение у лакедемонян. Но это случилось впоследствии.

4. В то время прибывшие к Артемисию эллины объаты были ужасом при виде огромного множества кораблей у Афет и чрезвычайной многочисленности воинов; действительно, силы варваров превзошли их представление и ожидание; поэтому они решили бежать от Артемисия внутрь Эллады. Узнав о таком решении, эвбейцы просили Еврибиада подождать немного, пока они не поместят в надежное убежище детей своих и слуг. Когда уговорить Еврибиада им не удалось, они обратились в другую сторону и стали склонять афинского вождя Фемистокла за триста талантов к тому, чтобы афиняне оставались перед Эвбеей и дали морскую битву.

5. Фемистокл употребил следующую меру для того, чтобы удержать эллинов: из этих денег он отдал Еврибиаду пять талантов, давая их как бы из своих денег. Еврибиад перешел на его сторону. Из прочих вождей противился этому только вождь коринфян Адимант, сын Окита, заявляя, что не останется и отплывет от Артемисия. Тогда Фемистокл стал заклинять его и сказал следующее: «Ты не покинешь нас, потому что я дам тебе большие подарки, нежели те, какие прислал бы тебе царь мидян, если бы ты покинул союзников». Он это сказал и в то же время отослал на корабль Адиманта три таланта серебра. Подарками он склонил их на свою сторону, и эвбейцы были удовлетворены. Сам Фемистокл извлек из этого выгоду, потому что тайно удержал остальные деньги для себя; те лица, которые получили долю из этих денег, думали, что для такой цели деньги получены были из Афин.

6. Так остались эллины у Эвбеи и дали морскую битву. Происходила она при следующих обстоятельствах: тотчас после полудня варвары подошли к Афетам; уже и прежде они знали, что подле Артемисия стоит небольшое число эллинских кораблей; теперь они видели это сами и возымели большое желание попытаться овладеть ими. Однако персы решили не нападать на корабли спереди для того, чтобы эллины не заметили их приближения и не обратились в бегство, причем ночь могла бы прикрыть бегущих; конечно, эллины должны были спастись бегством, а персы говорили, что и сам огненоситель не должен уйти живым.

7. С этой целью они употребили следующую хитрость: из всех кораблей отделили двести и послали их за Скиаф для того, чтобы незаметно для неприятелей они обошли кругом Эвбеи подле Каферея и Гереста и вошли в Еврип. С прибытием в Еврип они замыкали эллинов и отрезали им обратный путь в Элладу, тогда как остальные корабли должны были напасть на эллинов спереди. Порешив так, варвары отослали назначенные для этого корабли, но сами не думали нападать на эллинов в тот самый день, до тех именно пор, пока отправившимися кругом Эвбеи воинами не будет дан сигнал о прибытии их на место. Итак, часть кораблей пошла кругом острова, а остальным сделан был смотр у Афет.

8. В то время как варвары делали смотр кораблям, некто Скиллий, уроженец Сикиона, лучший водолаз того времени, который во время кораблекрушения, что случилось у Пелиона, спас персам многие сокровища и многие приобрел для себя, – этот самый Скиллий, уже и раньше замышлявший перебежать к эллинам, теперь нашел случай привести свой замысел в исполнение. Каким образом он отсюда прибыл к эллинам, я не могу сказать с точностью, а то, что говорят об этом, меня удивляет, если только это правда; говорят именно, что он подле Афет нырнул в море и вынырнул не раньше, как по достижении Артемисия, проплыв, следовательно, под морем около восьмидесяти стадиев. Много баснословного рассказывается об этом человеке, кое-что, впрочем, и достоверное. Что касается этого случая, то, по моему мнению, он прибыл к Артемисию в лодке. Тотчас по прибытии он сообщил вождям эллинов о кораблекрушении, как оно было, и о том, что посланы корабли в обход кругом Эвбеи.

9. Получив это известие, эллины сошлись на совещание. Из множества предложений взяло верх следующее: в тот день остаться на месте в стоянке, потом, после полуночи, отступить и выйти навстречу огибавшим Эвбею кораблям. После этого, так как против них никто не показывался, эллины выждали вечернюю пору и сами поплыли на варваров с целью испытать их способ сражения и прохождение между неприятельских судов.

10. При виде того, что эллины идут против них с небольшим числом судов, воины Ксеркса, а в особенности начальники их были уверены, что враги сошли с ума и сами направили на них свои корабли в надежде без труда захватить неприятельские корабли. Надежда эта была весьма основательна: они видели, что эллинских кораблей немного, что у них в несколько раз больше и что их корабли имеют лучший ход, нежели эллинские. Все это они сообразили и стали окружать эллинов кольцом. Все из ионян, благорасположенные к эллинам и против воли отправившиеся на войну, сильно встревожены были тем, что эллинов окружают со всех сторон, и были убеждены, что ни один из них не возвратится домой: столь ничтожными представлялись им силы эллинов. Напротив, все те ионяне, которые радовались происходящему, спорили между собою из-за того, кто из них первый захватит аттический корабль и получит за то награду от царя, так как в стоянке у персов только и речи было, что об афинянах.

11. Когда эллинам дан был сигнал, они прежде всего выстроили свои корабли против варваров носами вперед и кормами внутрь, потом по второму сигналу перешли в наступление, правда, на небольшом пространстве и только с фронта. В это время они захватили тридцать варварских кораблей и сына Херсиева Филаона, брата саламинского царя Горга, человека значительного в персидском флоте. Первым эллином, взявшим неприятельский корабль, был афинянин Ликомед, сын Эсхрея; он же получил первую награду. Войска сражались с одинаковым мужеством, и только наступившая ночь разделила сражающихся. Эллины отступили на кораблях к Артемисию, а варвары к Афетам (сражение было более тяжелое, нежели они ожидали). В этой морской битве из числа всех эллинов, находившихся под начальством царя, перебежчиком оказался один только Антидор из Лемноса, в награду за это афиняне дали ему участок земли на Саламине.

12. С наступлением ночи – время года было середина лета – полил обильнейший дождь и шел всю ночь с сильными раскатами грома с Пелиона; трупы и обломки кораблей выбрасывало к Афетам; они кружились у корабельных носов и лопасти весел приводили в беспорядок. Находившиеся там воины при известии об этом пришли в ужас, полагая, что среди стольких бед они погибнут окончательно. Ибо прежде, чем оправиться от бури и кораблекрушения, случившихся у Пелиона, попали в жестокую морскую битву, а после битвы пошел ливень, потекли к морю бурные потоки и раздались сильные громовые раскаты. Так прошла для них ночь.

13. Однако эта же ночь была еще более ужасной для тех из варваров, которым приказано было обогнуть Эвбею, ужаснее была потому, что застигла их на пути в открытом море. Действительно, конец их был печален. Когда гроза и дождь разразились над кораблями в то время, как они плыли мимо «Лоцин» Эвбеи, ветер понес их, и они, сами не зная, куда несутся, ударились о скалы. Все это было совершено божеством для того, чтобы персидское могущество сравнялось с эллинским и не было гораздо сильнее его. Итак, воины эти погибли у «Лоцин» Эвбеи.

14. Варвары в Афетах обрадовались, когда настало утро, и неподвижно стояли со своими кораблями на месте: они довольны были тем, что в тогдашнем положении среди стольких бед могут, по крайней мере, остаться в покое. Между тем на помощь эллинам прибыли пятьдесят три аттических корабля. Эллинов ободрило их появление, равно как и полученное известие о том, что все варвары, плывшие кругом Эвбеи, истреблены бурей. Они снова дождались той же поры дня и сделали нападение на киликийские корабли, при наступлении ночи истребили их и возвратились назад к Артемисию.

15. На третий день после этого варвары, считая великим позором для себя то, что незначительное число кораблей причинило им такой урон, а также из страха перед судом Ксеркса, не стали дожидаться, пока эллины начнут битву, и, ободряя друг друга, вывели корабли свои в море около полудня. Случилось так, что и эти морские битвы, и битва сухопутная у Фермопил происходили в одни и те же дни; кроме того, как воины Леонида дрались за охранение прохода, так сражение на море всецело происходило из-за Еврипа. Итак, одни ободряли друг друга к

борьбе, чтобы не пускать варваров в Элладу, а другие – чтобы сокрушить эллинское войско и завладеть морским путем.

16. Воины Ксеркса выстроились в боевой порядок и начали наступление, а эллины неподвижно стояли у Артемисия. Варвары расположили свои корабли в виде полумесяца и стали окружать эллинов кольцом, чтобы охватить их со всех сторон. Тогда эллины также перешли в наступление и начали бой. И в этом морском сражении обе стороны оказались равносильными. Дело в том, что флот Ксеркса терпел неудобства вследствие своей же обширности и многочисленности кораблей, ибо корабли мидян смешивались в беспорядке и попадали один на другой; тем не менее они сопротивлялись и не отступали, считая позором для себя бежать перед небольшим числом кораблей. Эллинских кораблей и воинов погибло много, но варварских кораблей и людей погибло гораздо больше. После такого сражения оба войска разошлись.

17. В этой битве из воинов Ксеркса больше всех отличились египтяне: помимо других славных подвигов, они захватили пять эллинских кораблей вместе с воинами. Из эллинов в тот же день больше всех отличились афиняне, а из числа афинян сын Алкивиада Клиний; он на собственное иждивение вооружил двести воинов и прибыл на собственном корабле.

18. Обе стороны охотно прекратили сражение и поспешно возвратились к своим стоянкам. По окончании битвы и по возвращении на стоянку эллины имели в своей власти мертвые тела и обломки кораблей; но так как они пострадали жестоко, особенно афиняне, у которых половина кораблей была повреждена, то порешили бежать внутрь Эллады.

19. Однако Фемистокл сообщил, что, если от варваров отторгнуты будут племена ионийское и карийское, то эллины смогут одолеть остальное войско. Так как к тому времени эвбейцы выгоняли свой скот к морю, он собрал сюда вождей и сказал им, что знает средство, с помощью которого рассчитывает отторгнуть от царя доблестнейших из его союзников. Только это он и открыл им. Что же касается настоящего положения дел, сказал Фемистокл, то следует поступить так: пускай каждый из них убьет столько скота эвбейцев, сколько желает, ибо лучше, чтобы скот достался эллинскому войску, а не варварам. Вместе с тем постарался уговорить начальников, чтобы каждый из них приказал своим воинам зажечь огонь. О благовременном возвращении в Элладу, прибавил Фемистокл, он позаботился сам, о том именно, чтобы эллинам возвратиться невредимыми. Начальники приняли его совет, тотчас велели зажигать огни и приниматься за скот.

20. Эвбейцы пренебрегли изречением оракула Бакида, как ничего не значащим, поэтому совершенно ничего не унесли со своего острова, не приготовили никаких запасов на случай угрожавшей осады и тем сами себе уготовили несчастный конец. Изречение об этом Бакида гласило следующее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.